

Вера Петровна Желиховская

В Христову ночь



Фантастические рассказы

Вера Желиховская

В Христову ночь

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

В Христову ночь / В. П. Желиховская — «Public Domain»,
1896 — (Фантастические рассказы)

«...— Мне не холодно! — неподвижно глядя на барыню, ответило дитя.— Но с кем ты пришла? Как ты здесь?..— Одна.— Из церкви верно?— С погосту...— А где ж ты живёшь? Близко?— Я не живу! — так же тихо и бесстрастно выговорила девочка.— Близко живёшь? — переспросила, не расслышав, Екатерина Алексеевна.— Я не живу! — повторила девочка явственней...»

Вера Петровна Желиховская

В Христову ночь

«Бог не есть Бог мёртвых, – но живых!»

Светло-Христово Воскресенье в том году, как и в нынешнем, было раннее. В северных наших губерниях ещё лежали глубокие снега; да и в средней полосе России, хотя и обнажились поля, и днём солнышко, пригревая, кое-где уже вызывало из сочной земли богатства, прикопленные ею за зиму, под пушистыми, белоснежными покровами, однако, пасхальная ночь была студёная. Последний осколочек луны светил в морозном, туманном кругу со светлого неба, по которому мерцали не частые, но блестящие звёзды. На пригорке, отовсюду видная, окружённая рощами, деревушками, полями, по которым стлались волокна серебристых испарений, ярко горела приходская, деревянная церковь.

Туда, часа уже три, народ валил со всех окрестностей; теперь не только паперть, но и весь погост светился в огоньках, зажжённых бабами-хозяйками, сторожившими свои куличи и крашеные яйца, в ожидании молебна и выхода батюшки со святой водой. Им, по близости от церкви, за оградой, теперь уж не так было холодно; а давеча, как шли они, таща и пасхи на освящение, и своих детишек, кого за руки, а кого и на руках в сладком сне, – многие перемерзли. Кое-где ещё, в овражках да в тени лесных опушек, белели застрявшие полосы снега; под сапогами, случалось, и ледок подскрипывал, а тут ещё и ветер, да такой-то, порою лютый, что до самых костей прохватывал и щёки, и носы молодежи да малым ребятам докрасна нащипал...

Ну, теперь, уж недолго ждать-то. Давно уж перехристосовались все в ярко пылавшей церкви. Обедня кончается... Сейчас дьячок со старостой, с учителем школьным, да с отставным унтером «Спаси Господи люди Твоя» затынут, и выйдет причт со святой водой над пасхальной снедью «Христос Воскресе» петь. В рядах хозяек движение; чаще засветились огоньки; каждая грошовая свечечка жёлтого воску теплится и славит Бога своим огоньком, сливаясь в великом море сиянья, разлитого над Русью в эту Великую ночь.

Две женщины, обе молодые, приютились за углом церкви в амбразуре окна, в виду погоста и кладбища с его лесом покосившихся чёрных и белых крестов, с несколькими памятниками и оградками вокруг «барских могил».

Женщины ведут беседу, пользуясь тем, что с их мест, всё равно, службы не видать. Маленькая девочка, положив головёнку к матери на колени, прикрывшись полушубком, долго глядела на красные яйца, разложенные вокруг миски с творожной пасхой, представляя себе, которым яичком она разговееется, а которым с братишкой «биться станет» и других, «мно-о-го» яиц себе набьёт, – да и вздремнула. А Митюха, мальчуган постарше, новые лаптишки оттоптал, бегая от церкви к мамке и обратно; он усердно утрению и обедню отстоял и обещался прибежать, перед тем, что батюшке выйти. Матери этих детей другая, бездетная бабёнка рассказывает, как она в кормилицах, «в городе жила», у одной из их соседок-помещиц девчонку кормила, и как эта девочка, – «царствие небесное её ангельской душеньке! – вот ровнёшенько год, об эту самую светлую ночку, померла»...

– И такая-то печаль, такая-то ужась на матушку ейную, на Катерину Алексеевну, напали, – рассказывала бабёнка, – что не могла она ни на похоронах, ни на поминаниях быть! Как запоют, этто, «Христос Воскресе из мёртвых и сущим во гробех живот даровал» – она вскрикнет и хлоп на пол, где стоит... Такая-то беда, да страх с нею нам был!.. Уж не знаю, как её ныне Бог милует, а в прошлую Пасху она так и не смогла ни одной службы отстоять... И с чего, кажись бы, этим словам ужасаться?.. Самые такие утешительные слова. А она – всё ничего, а как доходит до этого – силушки её не хватает!.. «Не могу, – сказывала, – я этого слушать! Зачем для всего света Он «смертью смерть поправ» и Лазаря воскресил, и всему миру

жизнь даровал, – а мне не захотел моей дочки сохранить? Отнял-де, у меня мово ребёночка! Не услышал ни слёз моих, ни молений!».

– Ишь! Грех какой! – рассуждала слушавшая. – Разве ж можно Господу Богу указывать?.. Его святая воля!

– Да уж ей это все – и матушка ейная, Анна Владимировна, и сестрица, барышня Лизавета Алексевна, и супруг ихний – хороший барин такой, добрый... Тоже крепко по дочери убивался, но до такого греха себя не допускал; даже нянюшка Настасья Артемьевна, все часто говаривали и на ум наставляли – но ничегошеньки поделать не смогли!.. Так я от них пред Вознесением пред самым уезжала, и ни единого разочку Катерина Алексевна ни у одной службы не побывала.

– Ожесточение! – решила её слушательница. – Да что у ней ещё детки-то есть?

– Да в том-то и причина, что нету их!.. Были двое ещё сынков, старшеньких, – оба померли. Один уже годков пяти, никак, был... Что ли не помнишь, за прошлым летом бегал тут с отца Мефодия ребящёнками?..

– Да, да, да!.. Поди, ведь! Кому что от Бога: у бар не живут детки; а как при нашей бедноте, вон у Пахомкиной Анисьи, – что ни год в избе новый горлодёр орёт. И все живы! Все есть просят!.. Научить разве её подкинуть, как приедут они в свою усадьбу?.. Приедут об это лето, что ль?

– Приедут! Должно приедут... Завсегда, ведь, бывало к Пасхе приезжали... Никак отец Мефодий вышел?

Бабёнка встала заглянуть, что делается в церкви, и в ту же минуту Митька подошёл со словами:

– Идёт батюшка куличи святить, идёт!

– Марфушка! Вставай! Поп идёт!.. – толкнула мать спавшую девочку, и всё встрепенулось, всё оживо.

Священник с крестом, кадильницей и кропилом обходил, славя Воскресение Христово и кропя во все стороны.

Заря занималась. Огненная полоска с востока окрашивала выяснявшиеся облака: четвертушка луны тускнела и становилась прозрачней, а на земле всё отчётливей выступали цвета и предметы, принимая свою натуральную окраску, выделяясь яснее из белесоватых туманов холодной ночи. В промежутках пения и возгласов: «Христос Воскресе!.. Воистину Воскресе!» – слышалось другое, неумолчное, звонкое пение: по всей окрестности заливались горластые петухи, по-своему прославляя наступавшее светлое утро.

Народ расходился. Все поля вокруг погоста светились огненными точками; каждому хотелось донести Христов огонёк из церкви до дому.

– Мамка! А мамка!.. А я свою свечку лучше Машутке на могилку снесу! – предложил Митюха. – Я живо тебя догоню.

– И меня возьми, Митька! И я к Машутке хочу! – взмолилась девочка.

– Ну-ну! Только не валандайтесь! Поскорее... На, вот, Марфуша, снеси ей яичко красное: зарой под крестиком, – сказала мать, собирая пожитки.

Недалеко отошли они от ограды, как уж дети догнали их, побывав на могилке сестры, прошлой осенью умершей, пятилетней Машутки.

– Я ей яичко под самый крестик закопала!

– А я свечечку в ногах, на камушке, прикрепил, – рассказывали дети.

– Мамка! Достанет она?.. А?.. Поиграет яичком-то? – допытывалась Марфуша.

– Как Бог, Отец Небесный ей позволит! – отвечала мать. – Она тихое дитё была! Божие!.. По пятому-то годочку, как молитвы знала! Отче, Богородицу, Троицу – всю без запиночки говорила... Ежели угодны Творцу Милосердному чистые детские душеньки, наша Машутка

беспрменно в ангельчиках у Него состоит! – вздохнула она и, обернувшись, высвободила руку и ещё раз покрестилась на церковь и на могилку дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.